

В призрачном мире

Имя Эдуардо де Филиппо связано с лучшими итальянскими фильмами «Неаполь город миллионов» и «Девушки с площади Испания». Он является автором этих фильмов, их режиссером и актером. За последний год-два этот своеобразный художник стал известен нам и как драматург. Его пьесы одна за другой завоевывают ленинградскую сцену — «Филумена Мартурьяно», «Ложь на длинных ногах», «Призраки». Сейчас одновременно на двух сценах поставлены последние его пьесы — «Никто» (Театр имени Ленинского комсомола) и «Моя семья» (Театр имени Ленсовета).

И та и другая пьесы названы автором трагикомедиями. Вообще сочетание трагического и комического — отличительная черта драматургии де Филиппо. И это не просто сочетание трагических и комических элементов с целью заставить публику немножко поплакать, а затем немножко посмеяться. В его пьесах трагическое всегда где-то на грани с комическим и наоборот — они находятся в органичном единстве, которое создает то неповторимое ощущение, когда, как говорится, и смех и слезы пополам.

Очень важно, чтобы режиссер и актеры почувствовали эту стилизованную особенность пьес Эдуардо де Филиппо и донесли ее до зрителя.

Называя свои пьесы трагикомедиями, Эдуардо де Филиппо имел в виду, очевидно, и еще одну их особенность: в них идет какая-то «незаправдавшаяся» жизнь, немножко придуменная, немножко бутфорская. Его герои живут, окутанные фальшью и иллюзиями, обманывая себя и окружающих, а мир подлинных чувств оказывается где-то за пределами этой призрачной действительности. И для подлинного проявления этих чувств, словно подталкивает нам автор, нужна другая действительность.

Весь этот глубокий и вместе с тем тонкий подтекст в общем хорошо уловив молодые режиссеры А. Шетрин — «Никто» и О. Ремез — «Моя семья».

В спектакле «Никто» (перевод А. Зей и С. Дюбинской) множество персонажей. Призрачная и хозяйка табачной фабрики, продавшая детей и юльчешский, женщина, живущая в подвале, и женщина, живущая на третьем этаже, торговка и продавец лепешек, продавец напитков и человек без подника, духовное лицо и близнецкий служащий, врач скорой помощи и лама в черном. Все вместе взятые они создают ту особую атмосферу жизни маленьких людей, натершихся в дедях клинчатистического мира, которая так знакома нам по кинофильмам. Созданию этой атмосферы немало способствуют уличные пьесы, которые поются в интермедиях, распевая под гитару песенки о незатейливых смешных и грустных событиях, развернувшихся в одном из кварталов итальянского города.

Среди этой разношерстной толпы выделяются двое — Винченцо де Преторе, странный сэмчик одной из комнат большого населения, как муравейник, дома, и влюбленная в него девушка Нянуцца — тоже жительница этого дома. Этим двоим уделено больше внимания не потому, что они чем-то отличаются от прочих, а потому, что автор просто выbral их из толпы и рассказывал нам об истории их трагикомической любви.

Винченцо де Преторе воображал, что он элитного происхождения и, создав себе иллюзию, живет в этом выдуманном мире. Ради этого он крадет. Он хочет обеспечить «красивую жизнь» не только себя, но и свою возлюбленную — без этого он не мыслит любви. Так сословный предрассудок отражает истинное чувство. Нянуцца также в плену предрассудков, но религиозных. И вся ироничность ситуации состоит в том, что, желая оказать доброе влияние на возлюбленного, она внушает ему мысль о силе и всемогуществе каменного святого, стоящего в нише дома. Для Винченцо представление о могуществе связано с представлением о деньгах, и он просит святого об удаче, навяно торгуется со святым, обещая в награду «подремонтировать» его. И тот «помогает», но... до поры до времени... Поразившись на миллионы, которые, какжется, посылают ему сверху, Винченцо гибнет от пули. Так бесслвно кончается жизнь одного из тех десятков тысяч опустившихся из дво жизни, которых автор красноречиво назвал «никто».

Впрочем, Эдуардо де Филиппо,

Трагикомедии «Никто» и «Моя семья» Эдуардо де Филиппо на ленинградской сцене

слегка усмехаясь, приоткрывает перед нами завесу и загроможденного Холодом и востышенной «янгельской» чистотой вест от божьего царства — в постановке это хорошо передано, но вот скользко леземую святость начинают мало-помалу проталкивать весьма земные и неприглядные черты.

Артист А. Разяленко с тонкой усмешкой рисует образ простодушного малька, наивно поверившего в им же самим сочиненную ложь, плачущего мечтателя, брошенного на дно жизни, вора, ворующего «во имя справедливости».

Образ Нянуцци, непосредственной, честной и чистой девушки, опутанной паутиной религиозных предрассудков, органично воплощает артистка Н. Ургант. Артистка подчеркивает в своей Нянуцце светлую веру в добро, искреннюю убежденность в том, что жить надо по велению сердца. Артистка искусно окрашивает образ чертами национального своеобразия.

Надо сказать, что в пьесе нет сюжета-действия, вся она, как рыбачья сеть, плетется из трудноуловимых узелков чувств героев. И Н. Ургант и А. Разяленко хорошо справляются со своей сложной задачей, нигде не обрывая узелков, точно и последовательно раскрывая психологические состояния и их взаимоотношения.

Посудомойка Нянуцча и сын посудомойки Винченцо — «никто». Им трудно приходится в этом мире богатых американских туристов и итальянских миллионеров, которым сами боги отдали свою благосклонность и высокое покровительство. Превосходно с убойственной иронией выворачиваются названую религиозный фанатизм и святошество в слезе, когда Винченцо, еще не веря и поспеиваясь над собой, «договаривается» со святым, и особенно в слезе, когда святая уже отремонтирована, покрашена и окружен свечами, поставленными «благодарным» Винченцо и означившими количество совершенных им краж. Все особенно истоно молится этому обновленному божеству и с особым уважением отзываются о человеке, который «спозаботился» о приходе в ветхость святком. Разве это не трагикомедия?

«Моя семья» (перевод Е. Гроздовой и А. Островской) отличается от пьес «Никто» тем, что в ней четче обозначена драматургическая фабула, острее сюжетные повороты. Но при всем том основная стилизованность — через психологическую призму взглянуть в противоречивый мир героев, не сходя с грани трагикомического, — дремлет и ждет. И потому прав режиссер О. Ремез, не увлекшийся событийной стороной действия, а направивший все свои усилия на разработку тончайших нюансов чувств и переживаний героев, на раскрытие подтекста. И актеры, естественно, пошли ему навстречу.

Действие не выходит за пределы

комнаты, где живет семья одного из ведущих дикторов неапольского радио Альберто Стильяно. Под одной крышей собрались, какжется, совершенно чужие, холодные друг к другу люди. Они живут не подлинными чувствами, а иллюзиями. Жена Альберто Елена в погоне за блеском! золота вся погрязла в картежной игре. Сын Беппе, мечтающий о богатстве и славе, отправляется во Францию на съемки в кинофильме и втянут в грязную историю. Дочь Розалия подделывается под стилиста в угоду духу времени, хотя это очень претит ее натуре, бравирует своей выдуманной аморальностью. То же происходит и с ее женихом Корrado. Сам Альберто Стильяно живет в открытую с другой женщиной — и это никого не шокирует, это в порядке вещей. Именно то, что хаос и разложение, ложь и обман — в порядке вещей, и придает спектаклю драматизм, вызывает желание изменить что-то «порядок».

Трагикомическая интонация, где смешное и грустное вместе, позволяет, осуждая людей, и то же время и оправдывать их, создавать, что главная вина — в общественном строе, который коверкает личность, разрушает все подлинно человеческие отношения между людьми. Хорошо эту интонацию женщины, запутавшейся в собственных тенетах лжи и иллюзий, проносит через весь спектакль заслуженная артистка РСФСР Л. Жукова (Елена), убедительно воплощая душевные терзания, глубокий сарказм над собственным бессилием в образе Альберто Стильяно артист О. Каган. Правда, оп несколько однообразен по краскам. Добавляются определенной достоверности артисты Э. Дорогова (Розалия) и А. Эстрин (Корrado). Хотя Корrado в исполнении Эстрина не всегда убедителен в своих истерических срывах, не всегда психологически последователен в своем развитии.

В спектакле есть, так сказать, психологическая атмосфера, но в нем нет духа Италии, который наполняет спектакль «Никто» в Театре имени Ленинского комсомола. И это связано, в частности, и с художественным оформлением спектакля. В «Никто» каменная коробка двора многоэтажного дома и анамбес в виде пошенного на просушку белья (художник С. Мандель) очень тонко отражают и замысел, и колорит. Задник же — крыша города и кусок неба — в Театре имени Ленсовета (художник М. Гордон) напоминает героев средневекового города, чем современную Италию, и придает элемент бутфорности. Музыкальное оформление по тем же причинам в Театре имени Ленсовета (композитор Г. Портнов) также уступает музыкальному оформлению в Театре имени Ленинского комсомола (композитор К. Качатурян).

Надо сказать, что автор пьес «Никто» и «Моя семья» не отразил передовых революционных сил, способных сокрушить прогнивший мир капитала. Борьба с иллюзорностью и фальшивостью буржуазной действительности, автор сам иногда впадает в иллюзии — например, семья Альберто Стильяно обретает счастье. Но важно, что эти спектакли будят протест против безвыходного тупика, в который поперг людей капиталистической строй.

Г. БАЛДЫН